

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-2-172-189

Поступила: 20.02.2025г.

УДК 821.19+82.09+82–7

Сдана на рецензию: 27.02.2025г.

Подписана к печати: 14.03.2025г.

ГЕНЕАЛОГИЯ КУЛЬТА ПРАВИТЕЛЯ ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ НА ОСНОВЕ АРМЯНСКОЙ СКАЗКИ «ДЖИКОН»

Н.М. Балаян¹, С.А. Аветисян²

Институт литературы им. Манука Абегамяна НАН РА^{1,2}

nabalayan@gmail.com, satenikavetisyan@litinst.sci.am

ORCID¹: 0000-0003-3530-3434, ORCID²: 0000-0002-7565-5461

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу художественных произведений, созданных на основе армянской народной сказки «Джикон» и сказки «Храбрый Назар», обработанной А. Туманяном. В исследовании рассматриваются концепции, согласно которым в художественном контексте политического мифа авторы, используя пародию, иронию, гротеск и насмешку, наделяют архетипического героя актуальными чертами, расширяют его политическую траекторию и демонстрируют процесс опасных трансформаций Назара – персонажа, пришедшего к власти благодаря счастливым случайностям. Цель исследования – интерпретация сходств и различий авторских подходов, которые трансформировали знаменитого героя сказки, расширяя политическую траекторию развития персонажа в произведениях различных жанров, объединенных принадлежностью к одному сатирическому типу. В статье делается вывод о том, что все армянские авторы, изображая процесс политической трансформации Назара, подчеркивают ключевую роль речи в формировании общественного сознания, художественно раскрывая в своих текстах лингво-психологическую и политическую градацию. Актуальность темы обосновывается вневременной природой назарства как вечного феномена, присущего всем общественным формам.

Ключевые слова: фольклорный персонаж, гротеск, комический тип, пропагандистское речение, политический миф.

Введение

Армянская народная сказка «Джикон» [1], записанная фольклористом Г. Срвандзтянцем, стала своеобразным художественным материалом для пи-

сателей, создававших произведения на эту тему. Сказка представляет фольклорный образ, созданный народом, имеющий аналоги в сказках других народов и ставший собирательным символом – образом человека, пришедшего к власти благодаря фактору удачи. В международном указателе сказочных типов выделяются следующие качества, типизирующие характер героев подтипа «Счастливые случайности» [2]: ленивость, лживость, ловкость, трусость, авантюризм, бездарность, хвастовство и достижение власти по воле судьбы. Если в армянской народной сказке герой представлен ленивым, ничемным, хвастливым и трусливым, то в литературных обработках он чаще всего предстает расчетливым, хитрым, пренебрегающим нравственными законами и добивающимся своей цели.

В XX–XXI вв. ряд армянских авторов (Ов. Туманян (1859–1923), Ав. Исаакян (1875–1957), Амастех (1859–1923), Д. Демирчян (1877–1956), Н. Пешикташлян (1898–1972), М. Саргсян (1859–1923), Н. Адалян (1859–1923), Ов. Григорян (1859–1923) и др.) обращался к образу этому герою. Продолжая тему с различных эстетических и когнитивных позиций, они представляли одну и ту же идеологическую проблему: процесс трансформации психики политически незрелого, не обладающего достоинствами, необходимыми для восхождения к власти, существа.

Опираясь на исследования, посвященные теме «назаризма», мы провели литературоведческое исследование, применяя новый междисциплинарный подход, использующий методологические принципы и инструментарий герменевтики, семиотики и политической психологии, в трех частях статьи объединив и представив в общих чертах собирательный тип всех Назаров.

В статье показано, что авторы стремились раскрыть моральный стержень личности, играющей деструктивную роль в нарушении преемственности традиции власти, а также изобразить процесс превращения ленивого и трусливого деревенского мужика в устрашающего диктатора.

В качестве обобщения следует отметить, что, авторы литературных произведений, применяя различные жанровые структуры, стилистические особенности, индивидуальные проявления устного творчества, а также широкий спектр эстетических приемов, решили идентичные идеологические задачи, обосновав актуальность темы вневременной сущностью назаризма как вечного явления, присущего всем общественным формам.

Авторская интерпретация фольклорного текста

Литературная обработка фольклорного сюжета началась со сказки «Храбрый Назар» О. Туманяна [3], опубликованной в 1912 г. Первый авторский текст был создан на основе армянской народной сказки «Дижикон», герой которой всего лишь по воле случая и по воле судьбы завоевал расположение толпы и стал

царем¹. Основываясь на связанные с этой темой нарративы², бытующие в некоторых странах мира, отмечая сходство³ сюжета дагестанской сказки и имени ее героя Назная с армянским именем⁴ Назар, Туманян посредством иронической

¹ Жена Джикона, разгневанная ленью и пустословием мужа, не выпускает его в дом. Герой напрасно плачет и просит жену впустить его, а когда он устало засыпает, мухи слетаются на его грязный нос и рот. Он убивает несколько мух и радуется своей «храбрости». Взяв флаг (в шутку исписанный кусок тряпки), он отправляется в путь и по воле случая достигает царского трона.

² Герой 9 армянских печатных вариантов «Храброго Назара», соответствующих международному указателю АТУ «Типы сказочных сюжетов», имеет свои международные параллели – русский Иван Дурак, грузинский Фазан, чеченский Незнай, аварский Великан Назнай, адыгейский Бзеген, татарский Яджудж, талышский Трус, Храбрый портной (немецкая сказка, обработанная братьями Гримм) и т.д. (*Айрапетян Т.Л.* Международные параллели туманяновских обработок армянских народных сказок // «Воске диван: журнал по сказковедению». № 6. 2018–2019. С. 67, *Туманян О.Т.* Примечания / Полное собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Ер.: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 1994. СС. 784–788).

Во 2-м варианте герой русской народной сказки «Фомка Беренников» напоминает Назара: Фомка убивает мух и прославляет себя как богатыря, идет воевать и по счастливой случайности становится известным героем (*Афанасьев А.Н.* Фома Беренников / Народные русские сказки. В 3-х т. Т. 3. М.: Изд-во ГИХЛ. СС. 241–243).

³ Многослойность ассоциаций становится очевидной в особенности между героем дагестанской сказки «Богатырь Назнай» и Назаром (Богатырь Назнай (сказка) / То ли было, то ли не было. Ростов-н/Д.: Изд-во «Ростовское книжное», 1982. СС. 82–87). Ассоциативность сцен той же трусости, гнева жены, по этой причине не пускающей героя в дом, убийства мух очевидно. Учитывая данные корреляции и имя Назнай, Туманян назвал своего героя Назаром, адаптировав его к распространенному армянскому имени. В армянском литературоведении об источниках и связях сказки Туманяна «Храбрый Назар» написано много (*Габриелян Л.Г.* Связи и источники сказки Ов. Туманяна «Храбрый Назар» // «Вестник Ереванского университета. Филология». № 1 (112). 2004. СС. 102–111; *Саргсян В.М.* Литературная траектория Храброго Назара. Ер.: «Айастан», 1991. СС. 32–47; *Григорян А.* Туманяновские разработки сказки «Храбрый Назар» // Сборник научных статей «Акунк» / Ред. Нерсисян А. № 1 (21). 2019. СС. 39–44; *Айриян Л.В.* Туманяновская трактовка образа Храброго Назара // «Историко-филологический журнал». № 2 (142). 2011. СС. 143–148; *Ганалаян А.Т.* Армянская литература и фольклор. Ер.: «Советский писатель», 1986. С. 190).

⁴ Арабское имя Назар с XVII-го века использовалось среди армян и впоследствии воспринималось как армянское мужское имя (*Ачарян Р.А.* Словарь армянских личных имен: в 5-ти т. Т. 4. Алеппо: Изд-во «Библиотека Киликия», 2006. С. 8).

гиперболы [4], создающей комический эффект через отрицание или осмеяние [5], выбрал свой вариант названия сказки – Храбрый Назар, тем самым подчеркивая ее сатирический характер. Впоследствии многие авторы, обращаясь к этой теме, сохранили заголовок Туманяна. Так в юмористическом произведении Д. Демирчяна «Храбрый Назар», в «Ага Назаре» Ав. Исаакяна, в «Непобедимом Назаре» Ст. Зоряна, в «Ужасном Назаре» Н. Пешикташяна и других произведениях герой⁵ – вновь Назар.

В тексте Туманяна, насыщенном комизмом положений и речи, метафора – антропоним «Храбрый» выступает ключевым показателем сущности героя, обобщающим его тип: по сути трусливого человека, который благодаря счастливой случайности пришел к власти. В других произведениях формы обращения к Назару становятся более образными – «Заря, Солнце, Светило». Его чтят прозвищными именами Смелый, Грозный, Непобедимый, даже эпитетом Отец («Отец наш Назар, да святится имя Твое» [6]), что по сути представляет собой аллюзию на народное именование, прославляющее Сталина, и отсылку к Молитве Господней. В данном случае использование эпитетов и прозвищ⁶ для обозначения лидеров – от мифологических героев и исторических личностей до современных правителей – служит способом устранения любых ограничений в комбинировании «текстовых» элементов.

Персонажи сказок и мифов отражают архетипы, связывая их с миром «я» [7]. Таким образом, индивидуальные черты туманяновского «Я» Храброго Назара трансформировались в универсальные. Он стал мифологизированным трикстером и тип-символом в литературе. Архетип человека, случайно пришедшего к власти, материализовался через мифы, сказки и знаки с символической ценностью [8], пройдя национальное, культурологическое осмысление, получил исключительное развитие⁷.

⁵ Герой Ов. Григоряна тоже – Храбрый Назар, но автор дал ему также второе имя – Маэстро, что лучше всего отражает жизненную позицию автора, заключающуюся в поиске и открытии этого персонажа практически во всех сферах и в самых разнообразных формах.

⁶ В ранний период советской эпохи армянские поэты особенно восхваляли в своих произведениях Сталина и Ленина, сравнивая их с животворным солнцем, а их генний – с солнечными лучами. По этому поводу следует упомянуть известное стихотворение Н. Заряна «Сталин», в котором он пишет: «И сияй на горизонте размером с солнце» (Зарян Н.Е. Сталин: Избранное. Ер.: «Айпетрат», 1951. СС. 5–6). Обычно в литературных текстах Назару в насмешку приписывается эпитет «солнце».

⁷ В этом ключе очевидно сходство со сказкой «Отважный портной» братьев Гримм. Переведенная на многие языки, она послужила основой для создания фильмов в разных странах. Впервые в истории армянской литературы эту сказку перевел на армянский язык О. Туманян.

В основе произведений известных армянских писателей – Ав. Исаакяна, Д. Демирчяна, Н. Пешикташяна, Ст. Зоряна, Л. Шанта, Амастеха, Сипила, а в более поздние времена – Мк. Саргсяна, В. Арамяна, Ов. Григоряна, Н. Адаляна и др. – лежит известная сказка Туманяна «Храбрый Назар». В этой литературной авторской сказке акцент сделан на детальной прорисовке индивидуальных характеров. Напротив, народной сказке «Джикон» «свойственна простая картина “я”, раскрытая в обобщенных типажах и архетипах» [9]. Межтекстовые связи в произведениях, созданных по этой тематике, берут свое начало из туманяновской обработки, но отличаются жанровыми особенностями, разнообразием композиционных приемов, разными языковыми закономерностями и ценностно-смысловыми аспектами различия. Фольклорный герой претерпел различные метаморфозы, вплоть до политико-сатирического контента, который иногда заключался в аллюзиях на беллетризованные исторические события и лица.

Но каждый Назар, как комический тип [10], своеобразно интерпретируется с точки зрения эстетической концепции авторов, с подчеркнутой необходимостью применения юмора и сатиры, «с целью добиться разложения, антиформы, антисмысла, антигероя, антисодержания, антиязыка» [11].

Назар Туманяна как комический тип – безвольный трус и неумеха, лишенный хитрости и изворотливости, которому лишь по счастливой случайности удастся достичь власти и удержаться на троне. В его сказке, как и в народной, сохраняется единая смысложизненная позиция, обнаруженная в сюжетах сказок всего мира – культ правителя [12].

В 1922г. Д. Демирчян поставил на сцене своего «Храброго Назара» (пьеса была написана по заказу для театральной постановки), впервые в армянской литературе добавив политическую коррективку к поступкам и словам этого сказочного героя. До середины 50-х годов Д. Демирчян продолжал редактировать свою комедию [13, 14], углубляя элементы политической сатиры и сарказма, а также подчеркивая процесс опасных трансформаций сущности человека, достигшего власти [15].

Армяно-французский сатирик Н. Пешикташлян пьесой «Ужасный Назар» (1939) продолжил литературную традицию Д. Демирчяна, вновь отдавая предпочтение жанру комедии, поскольку комедия ближе к реальной жизни [16]. В «газетной» по форме пьесе Ншана Пешикташляна, начиная с тождественного названия и заканчивая отдельными чертами сюжета, автор впервые всесторонне рассматривает назарство в контексте художественного политического мифа, создавая образ всеобъемлющего этнокультурного героя, воплощающего типичный портрет трусливого, авантюрного и кровожадного

диктатора, несущего миллионы жертв (аллюзии на Муссолини, Гитлера, Сталина)⁸.

Политическая составляющая содержания, заложенная в сказке в зачаточной форме, позволяет авторам расширить ее текст до масштабов романа, следуя следующей жанровой эволюции: **народная сказка – авторская сказка – пьеса – роман**. При этом во всех жанрах, особенно в пьесах и романах, используются разнообразные стилистические приемы и текстовые вмешательства, сочетающие фактически противоположные элементы: фольклорно-архетипические мотивы и современные интерпретации. В жанре романа присутствуют характерные для пьес мизансцены и элементы мифологических сказаний, свойственные сказкам, что подтверждает Адалян в своих рассуждениях о жанровых переходах: «Каждый роман – сказка, каждая сказка – роман» [17]; «Роман – это театр, а мы зрители».

В произведениях на эту тему мифический мотив сказки о превращении глупца в короля объясняется фактором счастливого случая, аналогично тому, как это представлено в фольклорном повествовании. Назар Саргсяна говорит: «Ум, смелость и сила – это мелочи, если они не дружат с удачей. Трус, которому повезло, стоит тысячи героев, а невезучий герой становится мучеником. Удачливый невежда – бог ученых, а неудачливому мудрецу не доверят даже разделить два ячменных зерна для осла...» [18].

Того же подхода придерживаются и другие Назары. В сказке идея судьбы («судьба» – это слово для не поддающейся описанию внутренней достоверности [19]) на первом плане, тогда как принцип каузальности отодвигается на задний план на основании его невосприятия обществом. «Каждый развитый язык располагает рядом слов, как бы окутанных глубокой тайной: рок, напасть, случай, стечение обстоятельств, предназначение. <...> Это символы, а не понятия» [20].

А в художественных текстах путь превращения глупца в царя выстраивается на основе принципа каузальности. Особое внимание уделяется взаимоотношениям глупца, которому предначертана политическая «судьба», и общества, поддерживающего его, но одновременно испытывающего перед ним страх. Единство толпы-народа и тирана-лидера, обуславливающее их взаимное существование, возводится до уровня мифического сосуществования [21]. В произведениях армянских писателей эта среда становится общей основой, на которой фольклорный герой трансформируется в образ с четко выраженными политическими характеристиками.

⁸ Пьеса Пешикташляна представляется в другой статье, где, исследуя генеалогию персонажа и применяя аналитический метод, рассматриваются только общие черты, присущие герою этой пьесы (Балаян Н.М. Ужасный Назар: Художественное завершение вечного вида // «Литературоведческий журнал», № 2. 2020. СС. 84–105).

Динамическое развитие повествования, достигаемое гибким чередованием комизма речи и положения, делает образ Назара убедительным как национальным, так и универсальным типажом.

Раскрытие сущности ужасного человека

Сказочный образ Дижикона в авторских текстах претерпевает значительные изменения, удаляясь от своего первоначального сказочного прототипа в соответствии с законами динамики реальной жизни [22]. В первых произведениях (Туманян, Демирчян) особое внимание уделяется одному примечательному обстоятельству – раскрытию ужасной сущности Назара. Через слоганы: «Прибрать мир к рукам» и «Достаточно и меня» – разоблачается природа “ужасного человека”» [23].

Если в туманяновской сказке лишь мельком намечается на жуткую сущность Назара, то в последующих обработках ужас назарства приобретает зримые, осязаемые формы: «В Назаре жила змея, а в теле змеи – черный скорпион» [24]. По мере развития сюжета Назары обретают решимость для удовлетворения своего властолюбия. Подобные черты в психологии образа проявляются и в других произведениях, где глупый человек, случайно оказавшийся на вершине власти, постепенно приобретает черты, присущие тирану. «Мир хочет перейти под мое покровительство, так давайте же приставим к его горлу наши мечи и шпаги, оружие и доспехи – поможем ему стать нашим и стать удачливым» [25]. Используя политический сарказм в условной реальности, отражая характерные для исторической действительности события и человека, Демирчян впервые в армянской литературе изображает «ужасного человека», вводя в характер сказочного героя жестокость, цинизм и тираннические склонности как проявления политической болезни⁹.

«Силой закона мы должны углубить и согреть наши сердца любовью друг к другу. Народ же должен полюбить Назара», – говорит Назар [26]. Как типичный тиран, Назар Адаляна приказывает тем, кто находится под его властью, по сути жертвам, любить его, внушая не только страх, но и чувство благодарности за то, что они живут. «Для самооправдания <...> нужна поддержка самой жертвы, поэтому он требует к себе почтения, благодарности и даже любви» [27].

⁹ Примечательно, что Демирчян, осознав, что философия Храброго Назара выходит за рамки комедийного жанра, инициировал работу над романом на эту тему. Однако это произведение так и осталось незавершенным (Саргсян В.М. Неоконченный роман Д. Демирчяна «Храбрый Назар» // «Вестник Ереванского университета», № 1 (67). 1989. С. 33).

В контексте юмора Пешикташляна и Адаляна целевые отсылки и рефразирования, заимствованные из политических текстов, особенно из публичных выступлений Сталина, Гитлера, а также структурная и смысловая имитация других текстов переадресовываются созданному ими образу Назара. «С этой поры есть только одна нация – Наз. Одна религия – Назик. Одна революция – назаризм. Одна республика – реназаро. Один язык – назарский. Одна родина – Назарстан» [28]. Исходя из имени и особенностей героя, новое географическое название также позиционирует определенное пространство – локус, в пределах которого это новое имя, как название страны и народа, получает право на существование. В этом смысле Пешикташлян, Адалян, подобно другим авторам, высмеивают имена, образованные от имен тиранов (Назарашен–Назарстан, Зорбастан–Зорбашен, Назарбилю и др.), подчеркивая трансформацию персонажа: крестьянин Назар был просто Назаром, но, обретя власть и поселившись в крепости, замке или дворце, он превращается в Ужасного, Божественного, Храброго или Маэстро (в переносном смысле). Деятельность предприимчивого глупца всегда ведет к разрушению: он уничтожает существующее, не создавая ничего взамен. В этом абсурд, жестокость и ужас его действий [29].

Процесс трансформации труса в тирана в художественных текстах структурирован через последовательные психологические переходы: 1) от принуждения отдавать приказы до страстного властолюбия, 2) от страха перед возможной утратой власти до «необходимости» физически и морально уничтожать людей.

Первоначальное удовольствие Назара от возможности отдавать приказы постепенно перерастает в навязчивое требование, а затем – в ужасающую необходимость убивать людей, включая даже собственных родственников, движимый страхом утраты трона [30]: «Владыка крови народа – это я, и я приказываю: пусть мой народ прольет свою кровь и заслужит благодарность Храброго Назара. Народ не поймет доброты Храброго Назара, пока не прольет кровь» [31]. Тот, кто легко пришел к власти, боится так же легко ее потерять и устраняет возможные угрозы, отдавая внезапные приказы о массовом убийстве. Он начинает войну, отправляет людей на смерть и не жалеет о потерях [32]. В художественных текстах тенденция направлять народ на войну и устраивать их массовое истребление является ключевой, так как именно на этом зиждется власть тирана. «Война идет. Гибнут, как мухи. Кто бы спросил: за кого вы так гибнете? Конечно, за Назара! Они гибнут, а мы вкусно едим. Скоро война закончится. Если погибли – мне-то что? Если не погибли – кому достанутся слава и честь? Конечно, Назару!» [33].

Пешикташляновский образ труса, скрывающегося за спиной жены и даже боящегося детей, крестьянина с примитивным бытовым мышлением, по ходу пьесы претерпевает зловещую трансформацию. Постепенно он приобретает

черты, превращающие общество в порабощенную массу. «Епископов преклоню перед собой на колени, а демонов заставлю плясать под любую мою песню. Я – хозяин мира!» [34].

Выбор прозвища героя – «Ужасный» – на языковом уровне подчеркивает его необратимую внутреннюю трансформацию: он больше не тот, кем был прежде, он стал новым человеком. Неразлучным спутником правителя, хитрого, расчетливого, хладнокровного и деспотичного убийцы, жаждущего слушать лесть от односельчан и других людей, становится страх – ключевое качество всех тиранов мира. «Чем шире росла и распространялась его царская слава внутри страны и за ее пределами, тем глубже в нем укоренялись дрожжащие ветви страха» [35], «<...> Знаю, что это моя боль и что ее невозможно отделить от меня» [36].

Сюжетные повороты, связанные с убийством родных, партнера, жены, друзей и соратников, в пьесе Пешикталяна раскрывают сущность тирана, типичного для всех тоталитарных систем. В частности, в пьесе эти события соотносятся с эпохой сталинизма.

Однако механизм уничтожения людей правителями включает не только физическое истребление. Другая, не менее ужасающая сторона назаров, лишенных духовных ценностей, – разрушение человеческого духа. Для его раскрытия в текстах широко применяется гротеск, который делается страшен, когда «духовное начало в человеке уничтожается» [37]. Гротеск подчеркивает двойственную природу Назара Адаляна: комизм жестокого тирана проявляется, например, в сцене, где он признает Петуха Гарсо отцом, лелеет и почитает, а потом убивает. Этот эпизод демонстрирует крайнюю степень деградации личности тирана, доведенного до абсурда культом собственной значимости. Постепенное развитие повествования раскрывает генезис культа личности, проецируя эмоциональное переживание своего «я» на коллективное бессознательное. Назар, стремясь заполнить внутреннюю пустоту, символически поглощает органы Петуха Гарсо – своего «отца», таким образом отчаянно пытаясь восстановить утраченную связь с ним. Этот акт становится кульминацией культового поклонения, в котором личность тирана поглощает все вокруг, включая сам объект своей привязанности.

Авторы с помощью гиперболы демонстрируют, что безликий и обыденный человек способен низвергнуть даже великанов, обесценивая их величие. «О, Храбрый Назар, имя твое свергает горы... Пусть великаны склонятся под твоим мечом, чтобы лишиться своей гордости» [38]. Тиран, используя различные формы контроля и наказания [39], подавляет человеческий дух, что особенно характерно для тоталитарных режимов. Фуко различает индивидуальное насилие и насилие государства, отмечая, что со временем объектом государственного контроля становится не только тело, но и душа [40].

Армянские авторы подчеркивают посягательства деспотичного правителя на творческую свободу интеллигенции. «Должны рисовать, лепить и воспевать меня. Мою личность. Солнечную сущность мою. Мой гений, мою силу, мое величие, мою красоту, мое ужасное я» [41] — повелевает Назар. Не менее аморальны представители интеллигенции, которые проявляют себя в угодливости и лизоблюдстве: «<...> Те, кто был по сердцу Назара, получал приз – курагу “Назар”», «Этот сухофрукт имел мощную силу: он удлинял язык победителя, придавал ему гордость, патриотизм, талант, даже если он родился без таланта» [42]. В художественных произведениях с элементами сатиры и черного юмора подчеркивается «осознанное самоунижение» интеллигенции и правящей элиты. Это проявляется в сценах попираания собственных принципов, раболепного восхваления правящей власти и утраты способности мыслить. Под воздействием животного страха и душевной паники герои превращаются в четвероногих существ.

В этих произведениях, характеризующихся сюжетной многогранностью и интертекстуальными отсылками, политическая типизация образов новых Назаров представлена как системная и эстетически целостная концепция.

В романе Н. Адаляна рассматривается «синдром назарства в контексте бытия и сознания современного человека» [43]. Боясь утратить власть, он постепенно становится подозрительным, мрачным, жестоким и морально распущенным. В романе О. Григоряна изображен тип политического деятеля, чей властолюбивый карьеризм отражается в его поступках и политической стратегии. Это властолюбие проявляется во всех аспектах политической жизни: выборах, агитационных кампаниях, ложных обещаниях народу, росте цен, усилении репрессивных мер и расширении пропаганды.

Магическая сила речения в процессе генезиса культа правителя

Объясняя причинно-следственные связи назарства, авторы показывают, что назарство основано на мощной словесной пропаганде, особенно в сатирическом контексте, и подчеркивают исключительную роль речений, которые в тексте реализуются через средства языковой образности: гиперболу, иронию, эпитеты и аллегорию.

Исток обретения Назаром известности и его восхождения к власти заключается, с одной стороны, в самовозвеличивающем высокомерии, побуждающем трусливую личность к достижению высот, а с другой стороны, череде случайностей, в которых ключевую роль в превращении Назара в монарха играет народ. «Мой народ может жить без бензина, без газа и топлива, без хлеба, но он не может жить без Храброго Назара» [44], «Наш царь – это Назар: вчера, сегодня и завтра. Он вечен и бессмертен!» [45]. В процессе легитимации политической идентичности героя ключевую роль играет опосредо-

ванная форма его общения с обществом. В сказке Туманяна сельский священник, насмехаясь над Назаром, который убил мух, пишет на куске ткани слоган: «Непобедимый герой, храбрый Назар, тысячу бьющий единым ударом». Эта фраза становится основой для мифологизации феномена назарства и повторяется во всех авторских текстах.

Назар утверждает свою «героичность» через вербальный текст, запуская процесс распространения ложного повествования (Джигикон сам пишет текст на бумаге и помещает ее между рогами коровы; или кузнец пишет на мече о «подвиге» Назная, в другом тексте, то сосед, то священник пишут на платке или флаге; портной братьев Гримм вышивает на поясе). Сказочно-мифическая интерпретация мотива обретения мировой известности является основополагающей во всех произведениях о Назаре.

В армянской сказке мифологизирующая сила слогана выполняет сюжетобразующую функцию: «Прочитав надпись на лбу коровы, он задумался: “Этот человек семерых одной рукой положил, если бы он не был таким смелым, смог бы он добраться сюда, смог бы он так беззаботно спать? Какое сердце, какая смелость! Ни оружия, ни друга, ни коня не взял с собой” [46].

Трансформация героя в художественном тексте осуществляется в основном через языковые знаки другого [47]. Для достижения успеха и власти в этом упорядоченном мире исключительное значение имеет правильно построенная речь. У визиря Дгирд (Гром), сделавшего Назара царем, «речь громахает, у него такой язык, что он может убедить, кого угодно, и сделать королем самого глупого человека» [48].

У Назара нет ни привлекательной внешности, ни смелости, ни интеллекта. Необразованность, вульгарность, ощущение собственной самооценности – характерные черты Назара Адаляна [49]. Залог успеха каждого Назара – преувеличенное словесное подтверждение бытового и вульгарного поступка, с языковой, психологической и политической точек зрения этот процесс проходит через последовательные и взаимодополняющие этапы: 1) утверждение речений и кривотолков, 2) повторение, 3) зараза: после всего этого следует, 4) приобретенное или искусственное обаяние тирана. Теоретические формулировки Лебона отражают переворотное воздействие речи на массовое сознание в процессе политической трансформации Назара. «Влияние утверждения на толпу становится понятным <...> и объясняется тем, что часто повторяемая идея в конце концов врывается в самые глубокие области бессознательного где именно и вырабатываются двигатели наших поступков» [50].

Идеи коллективного бессознательного, выстраивающие миф о назаризме на основе сфабрикованных новостей, с заразной скоростью распространяются в массах, даже среди людей с высоким интеллектом. Более того, эта зараза «может проявлять свое действие и на расстоянии» [51].

В обработанной сказке Туманяна сила слова и магия пропаганды, приведшие героя к славе, то есть утверждение, а затем повторение речения выражены в одном предложении. Великаны «так много говорят о его (Назара) храбрости, они так хвалят его, что их прекрасная сестра влюбляется в него» [52].

Мифические речения и восприимчивость к внушению обладают силой формирования цепной реакции в образе жизни, поведении и системе сосуществования [53]. Они порождают слепую веру в образ грозного лидера. У людей исчезает сознательная личность, и «<...> они делают поступки, совершенно противоречащие их личному характеру и привычкам» [54].

Приобретенное или искусственное **обаяние** индивида, каким бы ничтожным ни было его личное значение, заставляет людей преклоняться перед ним или поклоняться ему со слепым фанатизмом. «Раньше у Назара был один осел, который иногда его не слушался. Теперь у него миллионы ослов, все послушные» [55]. Поверив в силу слова Назара и людей, сделавших его царем, народ под властью тирана день ото дня все деградировал, превращаясь в пленника пропаганды речений назаров. В произведениях Туманяна, Демирчяна, Пешикташляна, Саргсяна и других значимость речений подчеркивается использованием поэтического текста. Аллюзии на армянские фольклорные песни и эпос, не цитирующиеся напрямую, расширяют пространство речевых насмешек, одновременно сгущая эстетические слои текста.

Сатирические языковые приемы, такие как оксюмороны, мнимо тайные беседы второстепенных героев и абсурдные речения («Повелеваю солнцу взойти на востоке и зайти на западе» [56], «По приказу короля продолжительность беременности в деревне была сильно сокращена – вместо девяти <...> пять месяцев» [57]), служат для изображения всех этапов достижения власти Назаром.

Демифизация образа, ставшего политическим мифом, «осуществляется с помощью таких литературных приемов, как сатира во всех ее разновидностях, причем черный юмор становится доминирующим» [58]. Хитрый, расчетливый и властолюбивый Назар осознает невероятную силу своих провокационных речений и безволие подвластных ему людей, но при этом страшится возможной утраты трона и Времени. Во внепространственно-временном континууме художественных текстов преодолеваются границы времени и пространства, что превращает универсальное назарство в историко-политический миф.

В сказке Туманяна время бесконечно, как и живущий в нем Назар, который до сих пор сидит на троне и смеется над миром. В романе Саргсяна время и Назар выступают союзниками: герой в последний момент оставляет трон и убегает, но рядом с ним находится верный Дгирд, готовый вновь сделать его царем.

Учитывая туманяновский эпилог, Пешикташлян на мгновение заставляет поверить в бессмертие Назара: «Я, Назар Ужасный... Глупцы, Назары не умрут, пока живы рабы и глупцы» [59]. Автор склоняется к мысли о текучести времени, утверждая, что обстоятельства, породившие назарство, вечны, а постоянное присутствие Назара является общественным требованием. В пьесе Пешикташляна Время – действующий герой. Автор надеется на полное уничтожение типа Назара всемогущим Временем. Точно так же Демирчян ведет себя со своим Назаром: он из-за побоев жены был дискредитирован, опозорен и свергнут с престола.

В романе Адаляна «Клоун в большом городе» время беллетризуется в эпическом пространстве. Оно становится активным персонажем, намекающим, что на перекрестках политической истории появляются клоуны и шуты. Царь-клоун Назар Адаляна был свергнут с престола бывшим клоуном, что подчеркивает иллюзорность **его падения**. Время управляет моментом, когда пробудится внутренний шут нового короля, Храброго Назара. Таким образом, назарство предстает как вневременный, внепространственный и вечный феномен.

Заключение

Будучи литературной обработкой фольклорного героя, туманяновский Назар стал ключевым персонажем, играющим исключительную роль в армянской литературе.

Все произведения, основанные на традициях туманяновской сказки, представляли собой уникальные сатирические тексты, которые, обладая оригинальностью и глубоким мировоззренческим содержанием, развивались автономно. Эти произведения способствовали преобразованию архетипичного образа сказочного героя в политический миф. Преображение случайно пришедшего к власти невежественного, грубого и глуповатого человека раскрывается через использование психо-политических методов и инструментов. В контексте приказов о физическом и духовном уничтожении людей формируется художественный образ тирана, воплощающий сущность страшного человека. Все армянские авторы подчеркивают переворотное воздействие речений на массовое сознание в процессе политической трансформации Назара. В своих произведениях они художественно воспроизводят языковую, психологическую и политическую иерархии: утверждение речений, их повторение, заражение ими масс, создание образа – приобретенного или искусственного – обаяния тирана. В художественных текстах назаризм рассматривается как явление неистребимое и вечное. Универсальное назарство, преодолев границы времени и пространства, трансформировалось в историко-политический миф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срвандзтянц Г. Амов-Отгов. Константинополь, 1884. СС. 221–225.
2. Uther H. The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson, part II, Tales of the Stupid Ogre, Anecdotes and Jokes, and Formula Tales, with an Introduction. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2011. PP. 342–363.
3. Туманян О.Т. Храбрый Назар. Ер.: Изд-во «Петрат», 1937. С. 30.
4. Ганалаян А.Т. Армянская литература и фольклор. Ер.: «Советский писатель», 1986. С. 190.
5. Иваненко Т.И. Исследование иронии в рамках литературоведения URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-ironii-v-ramkah-literaturovedeniya/viewer> (дата обращения: 29.08.2024).
6. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айренник», № 11(203). 1939. С.С. 17, 24, 92.
7. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: «Совершенство», 1997. С. 384.
8. Актуальные проблемы теории литературы (2016) / Ред. А.Е. Джрбашян Ер.: изд-во ЕГУ, 2016. С. 118.
9. Тихомирова Е.Г. Сказка: рефлексия культурного опыта и инкультурационная модель // «Культура и образование: литературоведение», № 3 (34). 2019. С. 35.
10. Бергсон А. Смех / Науч. ред. И.С. Вдовина. М.: «Искусство», 1992. С. 93.
11. Семирджян А., Бекмезян А.О. Сатира в современной армянской прозе // «Проблемы современной армянской прозы»/ Ред. С. Казарян. Ер.: Изд-во ЕГУ, 2013. С. 267.
12. Тихомирова Е. Г. Сказка: рефлексия культурного опыта и инкультурационная модель // «Культура и образование: литературоведение», № 3 (34). 2019. С. 35.
13. Саргсян В.М. Литературная траектория «Храброго Назара». Ер.: Изд-во «Айастан», 1991. СС. 71–74.
14. Агабабян С.Б. История армянской советской литературы: в 2-х т. Т. 1. Ер.: Изд-во НАН РА, 1986. С. 362.
15. Агаджанян С.А. Новое прочтение «Храброго Назара» Дереника Демирчяна // Ер.: «Вем», № 4 (44). 2013. СС. 60–73.
16. Бергсон А. Смех / Научный ред. И.С. Вдовина. М.: «Искусство», 1992. С. 86.
17. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 315.
18. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 260.
19. Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы, М.: «Алгоритм», 2007. С. 273. URL: <https://library.khpg.org/files/docs/1473707765.pdf> (дата обращения: 23.09.2024).
20. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории: 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. К.А. Свасян. М.: «Мысль», 1993. С. 273.
21. Дмитриев А. Социология политического юмора, М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия», 1998. С. 98.
22. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Изд-во «Академия», 1928. СС. 96–97 URL: https://imwerden.de/pdf/propp_morfologiya_skazki_academia_1928_text.pdf (дата обращения: 08.07.2024)
23. Агабабян С.Б. История армянской советской литературы: в 2 т. Т. 1. Ер.: Изд-во НАН РА, 1986. С. 363.
24. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 44.
25. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 261.

26. Там же. С. 319.
27. Гогин С. После насилия (Рец. на кн.: Герман Дж. Травма и исцеление: последствия насилия от абьюза до политического террора) // «Новое литературное обозрение», 2023. Т. 184. № 6. С. 474.
28. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айреник», № 11 (203). 1939. СС. 33–34.
29. Агаджанян С.А. Феномен глупости согласно Ов. Туманяну // Ер.: «Вем», 2019. № 3 (67). С. 137.
30. Канетти Э. Масса и власть. Часть XI. Господство и паранойя, эпилог. Изживание выживающего URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5454/5465> (дата обращения: 30.09.2024).
31. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 278.
32. Канетти Э. Масса и власть. Часть XI. Господство и паранойя, эпилог. Изживание выживающего URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5454/5465> (дата обращения: 30.09.2024)
33. Демирчян Д.К. Храбрый Назар. Ер.: Изд-во «Петрат», 1929. С. 56.
34. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айреник». № 11(203). 1939. сентябрь. С. 28.
35. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 99.
36. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 281.
37. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: «Искусство», 1976. С. 71.
38. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 172.
39. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Изд-во «Ад Маргинем Пресс», 1975. СС. 33–35.
40. Там же.
41. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айреник», № 11(203). 1939. СС. 33–34.
42. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. СС. 159, 260.
43. Семирджян А., Бекмезян А.О. Сатира в современной армянской прозе // «Проблемы современной армянской прозы»/ Ред. С. Казарян. Ер.: Изд-во ЕГУ, 2013. СС. 264–265.
44. Григорян О.Е. Храбрый Назар: беседы с Маэстро. Ер.: «Нор дар», 2004. С. 9.
45. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 28.
46. Сrvандзтянц Г. Амов-Оттов. Константинополь. 1884. С. 221.
47. Лотман Ю.М. Структура художественного текста, М.: «Эксмо», 2023. С. 405.
48. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: «Советский писатель», 1980. С. 77.
49. Калантарян Ж.А. Состояние и проблемы современной армянской прозы // «Литературная газета», 2014, 18 мая.
50. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995. С. 240. URL: <https://predmet.ru/lebon.pdf> (дата обращения: 04.12.2023)
51. Там же, С. 241.
52. Туманян О.Т. Храбрый Назар. Ер.: «Петрат», 1937. С. 19.
53. Агаджанян С.А. Феномен глупости согласно Ов. Туманяну // Ер.: «Вем», № 3 (67). 2019. СС. 131–161.
54. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: «Макет», 1995. С. 162. URL: <https://predmet.ru/lebon.pdf> (дата обращения: 04.12.2023).
55. Пешикташлян Н. Ужасный Назар // Журнал: «Айреник», № 11 (203). 1939. С. 23.
56. Саргсян М.Д. Храбрый Назар. Ер.: Изд-во «Совет. писатель», 1980. С. 381.
57. Адалян Н.М. Клоун в большом городе. Ер.: Изд-во САП, 2012. С. 40.

58. *Актуальные проблемы теории литературы* (2016) / Ред. А.Е. Джрбашян Ер.: Изд-во ЕГУ, 2016. С. 128.
59. *Пешикташлян Н. Ужасный Назар* // Журнал: «Айреник». 1939. № 11 (203). С. 34.

REFERENCES

1. *Srvandztyants G. Picturesque. Konstantinopol'. 1884. PP. 221–225 (In Arm.)*
2. *Uther H. The types of international folktales: A Classification and Bibliography Based on the System of Antti Aarne and Stith Thompson, part II, Tales of the Stupid Ogre, Anecdotes and Jokes, and Formula Tales, with an Introduction. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2011. PP. 342–363.*
3. *Tumanyan H. Nazar the Brave. Yer.: “Petrat” Publ., 1937. P. 30 (In Arm.).*
4. *Ghanalanyan A. Armenian Literature and Folklore. Yer., “Sovetski pisatel” Publ., 1986. P. 190 (In Arm.).*
5. *Ivanenko T. The study of irony in the context of literary studies. [online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-ironii-v-ramkah-literaturovedeniya/viewer> (Accessed: 23.09.2024).*
6. *Peshiktashlyan N. Nazar the Terrible // Journal “Ayrenik”, Boston. 11 (203). 1939. PP. 17, 24, 92 (In Arm.).*
7. *Jung C. Soul and Pyth. Six archetypes. M.: “Sovershenstvo” Publ. 1997. P. 384 (In Rus.)*
8. *Contemporary Current Issues of Armenian Literature Theory / Ed. by A. Dzhrbashyan. Yer.: YGU Publ., 2016. P. 118 (In Arm.).*
9. *Tihomirova E. Fairy Tale: Reflection of Cultural Experience and Inculturation Model / Kultura i obrazovanie: literaturovedenie. 3(34), 2019. P. 35 (In Rus.).*
10. *Bergson H. La Rire. M.: “Iskustvo” Publ., 1992. P. 93 (In Rus.).*
11. *Semirdzhyan A., Beqmezian A. The Satire in the Contemporary Armenian novel / Problemy sovremennoy armianskoy prozy / Ed. S. Ghazaryan. Yer.: YGU Publ., 2013. P. 267 (In Arm.).*
12. *Tihomirova E. Fairy Tale: Reflection of Cultural Experience and Inculturation Model / Kultura i obrazovanie: literaturovedenie. 3 (34). 2019. P. 35 (In Rus.).*
13. *Sargsyan V. Literary trajectory of Nazar the Brave. Yer.: “Hayastan” Publ., 1991. PP. 71–74 (In Arm.).*
14. *Agababyan S. History of Armenian Soviet Literature. Works: In 2 vols. Vol. 1. Yer.: NAS RA Publ., 1986. P. 362 (In Arm.).*
15. *Agadzhanyan S. Derenik Demirtchyan’s “Nazar the Brave” in a New Light / Vem. 4 (44). 2013 (In Arm.).*
16. *Bergson H. La Rire. M.: “Iskustvo” Publ., 1992. P. 86 (In Rus.).*
17. *Adalyan N. Clown in the big city. Yer.: SAP Publ, 2012. P. 315 (In Arm.).*
18. *Sargsyan M. Nazar the Brave. Yer.: “Sovet. Pisatel” Publ, 1980. P. 260 (In Arm.).*
19. *Jaspers K., Bodriyar Zh. Phantom of the Crowd]. M., 2007. (online) Available from: <https://library.khpg.org/files/docs/1473707765.pdf> (Accessed: 23.09.2024).*
20. *Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. M.: “Misl”, 1993. P. 273 (In Rus.).*
21. *Dmitriev A. Sociology of political humor. M.: 1998 (In Rus.)*
22. *Propp V. Morphology of the Folktale. Leningrad, 1928. (Online) Available from: https://imwerden.de/pdf/propp_morfologiya_skazki_academia_1928_text.pdf (accessed: 08.07.2024)*
23. *Agababyan S. History of Armenian Soviet Literature. Works: In 2 vols. Vol. 1. Yer.: NAS RA Publ., 1986. P. 363 (In Arm.).*
24. *Adalyan N. Clown in the big city. Yer.: SAP Publ., 2012 (In Arm.).*

25. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yer.: “Sovetski Pisatel”, 1980 (In Arm.).
26. The same. P. 319.
27. *Gogin S.* After the violence // *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 184. 6. 2023. P. 474 (In Rus.).
28. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible / Journal «Ayrenik». Boston. 11 (203). 1939. PP. 33–34 (In Arm.)
29. *Agadzhanyan S.* The Phenomenon of Foolishness According to Hovh. Toumanyany // *Vem*. 3 (67). 2019 P. 137 (In Arm.).
30. *Canetti E.* Massa I vlast [Masse und Macht]. [online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/5454/5465> (accessed: 30.09.2024) (In Rus.).
31. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yerevan: “Sovet. Pisatel” Publ., 1980. P. 278 (In Arm.).
32. *Canetti E.* Masse und Macht. (Online) Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/5454/5465> (accessed: 30.09.2024) (In Rus.).
33. *Demirchyan D.* Nazar the Brave. Yer.: “Pethrat” Publ., 1929. P. 56 (In Arm.).
34. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible / Journal “Ayrenik”, Boston. 11 (203). 1939. P. 28 (In Arm.).
35. *Adalyan N.* Clown in the big sity. Yer.: SAP Publ., 2012. P. 99 (In Arm.).
36. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yer.: “Sovetski Pisatel”, 1980. P. 281 (In Arm.).
37. *Propp V.* Problems of comedy and laughter. M.: “Iskusstvo” Publ., 1976. P. 71 (In Rus.).
38. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yer.: Sovet. Pisatel Publ., 1980. P. 172 (In Arm.).
39. *Foucault M.* Surveiller et punir: Naissance de la Prison. M.: “Ad Marginem Publ”, 1975. PP. 33–35 (In Rus.).
40. The same.
41. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible // Journal “Ayrenik”, Boston. 11 (203). 1939. PP. 33–34 (In Arm.).
42. *Adalyan N.* Clown in the big sity. Yer.: SAP Publ., 2012. PP. 159, 260 (In Arm.).
43. *Semirdzhyan A, Beqmezian A.* The Satire in the Contemporary Armenian novel. Problemy sovremennoy armyanskoy prozy /Ed. S. Ghazaryan. Yer.: YGU Publ., 2013. PP. 264–265 (In Arm.).
44. *Grigoryan H.* Nazar the Brave, tales with the Maestro. Yer.: “Nor dar”, 2004. P. 9 (In Arm.).
45. *Adalyan N.* Clown in the big sity. Yer.: SAP Publ., 2012. P. 28 (In Arm.).
46. *Srvandztyants G.* Picturesque. Konstantinopol, 1884. P. 221 (In Arm.).
47. *Lotman Yu.M.* The Structure of a Literary Text. M.: “Eksmo”, 2023. P. 405 (In Russian).
48. *Sargsyan M.D.* Nazar the Brave. Yerevan: “Sovetski Pisatel”, 1980. P. 77 (In Arm.).
49. *Qalantaryan Zh. A.* State and problems of modern Armenian prose // “Literaturnaya gazeta”, 2014, 18 May (In Arm.)
50. *Le Bon G.* La Psychologie des Foules. SPb. 1995. P. 240 (Online) Available from: <https://predmet.ru/lebon.pdf> (Accessed: 04.12.2023).
51. The same. P. 241.
52. *Tumanyan H.* Nazar the Brave. Yer.: “Petrat Publ”. 1937. P. 19 (In Arm.)
53. *Agadzhanyan S.A.* Phenomenon of Foolishness According to Hovh. Toumanyany / *Vem*. 3 (67). 2019 (In Arm.)
54. *Le Bon G.* La Psychologie des Foules. Saint-Peterburg. 1995. P. 162 [online] Available from: <https://predmet.ru/lebon.pdf> (Accessed: 04.12.2023).
55. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible // Journal “Ayrenik”, Boston. 11 (203). 1939. P. 23 (In Arm.)
56. *Sargsyan M.* Nazar the Brave. Yer.: “Sovet. Pisatel” Publ., 1980. P. 381 (In Arm.).

57. *Adalyan N.* Clown in the big city. Yer.: SAP Publ., 2012. P. 40 (In Arm.).
58. Contemporary Current Issues of Armenian Literature Theory /Ed. by A. Dzhrbashyan. Yer.: YGU Publ., 2016. P. 128 (In Arm.)
59. *Peshiktashlyan N.* Nazar the Terrible // Journal "Ayrenik", Boston. 11 (203). 1939. P. 34 (In Arm.)

**ORIGIN OF RULERS CULT IN LITERARY WORKS BASED ON
"DZHIKON" ARMENIAN FAIRY TALE**

N. Balayan¹, S. Avetisyan²

Institute of Literature after M. Abeghyan of NAS RA^{1,2}

nabalayan@gmail.com, satenikavetisyan@litinst.sci.am

ORCID¹: 0000-0003-3530-3434, ORCID²: 0000-0002-7565-5461

ABSTRACT

The article analyzes literary works based on the Armenian folk tale "Dzhikon" and the tale "Brave Nazar", adapted by A. Tumanyan. The aim of this study is to elucidate the distinctive and shared characteristics of a comical character across a range of works, thereby illustrating the particular approach to the character adopted by the authors in each case. The article presents a variety of perspectives through which writers imbue the archetypal character with contemporary characteristics. This is achieved through the use of literary techniques, including parody, irony, grotesque, and sarcasm, within the literary context of political myth. Furthermore, the narrative expands upon the character-symbol's political trajectory, elucidating the perilous metamorphosis of Nazar's essence. The article concludes that all the Armenian writers emphasise the revolutionary impact of speech in terms of Nazar's political transformation and his influence on the consciousness of the masses. In their texts, all Armenian writers artistically realise the linguistic-psychological-political hierarchy. The relevance of the topic is justified by the timeless nature of Nazarism as an eternal phenomenon inherent in all social forms.

Keywords: folklore figure, grotesque, comic type, propaganda speech, political myth.